

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930-Е ГГ.: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ

В статье рассмотрены вопросы достоверности данных статистического учета 1930-х гг. Представлены результаты перерасчета численности населения Кубани и Ставрополья, зафиксированной переписью 1939 г., с учетом архивных документов, в том числе впервые введенных в научный оборот, а также на основе методов математического моделирования.

Ключевые слова: Демографические изменения, переписи населения СССР, вероятностно-статистическое моделирование, Кубань, Ставрополье

Одним из самых спорных и неоднозначно трактуемых периодов российской истории является период 1930-х гг., когда за сравнительно небольшой отрезок времени произошли коренные изменения в демографической сфере. Эти изменения были обусловлены, с одной стороны, процессами модернизации, с другой – рядом экстремальных факторов социально-политического характера. Они явились катализаторами демографических процессов в стране и повлекли за собой глубинные долгосрочные изменения.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена еще и тем, что демографическая история 1930-х гг. долгое время являлась белым пятном в российской историографии, материалы переписей и статистического учета, архивные документы были закрыты для исследователей. Власть опасалась, что шокирующие цифры демографических потерь этого периода вследствие раскулачивания, голода 1932–1933 гг., депортаций могут повлиять на доверие к власти, вызвать сомнения в правильности осуществляемой государством экономической и социальной политики.

Даже после XX съезда партии, когда были признаны ошибочными и преступными действия по выселению отдельных народов, начали работать реабилитационные комиссии, многие документы оставались закрытыми для исследователей. Это негативным образом сказывалось и на статистико-демографических исследованиях и на демографической политике.

Проблема достоверности статистических данных существовала всегда, но как проблема методологического и методического порядка, безотносительно к историческому периоду, политическому режиму. Уникальность нашей страны, кроме прочего, проявляется и в том, что на протяжении нескольких десятилетий статистика рассматривалась как важный идеологический инструмент, способный оказать влияние на сознание масс, в связи с чем ставилась в угоду правящей партии, определялась вождями, и, в конечном счете, скорее искажала, чем отражала объективное положение вещей. Различного рода статистические приписки имели место на самых различных уровнях: от рядового бухгалтера и счетовода, до таких масштабных акций, как Всесоюзные переписи населения. Ярким примером могут служить материалы Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.

Материалы Всесоюзной переписи 1937 г. сама власть поставила под сомнение, и не столько из-за точности полученных данных, сколько именно потому, что перепись раскрыла сложную демографическую ситуацию в стране в результате форсированного строительства «нового общества».

Практически через два месяца после проведения переписи, 14 марта 1937 г. в докладной записке на имя Сталина и Молотова приводится общая цифра по населению СССР, переписанному 6 января, – 162003225 чел., включая контингенты РККА и НКВД.

По РСФСР эта цифра составила 104 млн чел. [1, с. 34]. Этот результат расходился с прогнозами Госплана СССР, согласно которым численность населения страны к 1937 г. должна была составить 180 млн чел., а к 1939 г. – 183 млн чел. Прогноз был основан на показателях естественного прироста середины 1920-х гг., которые были достаточно высокими, кроме того, они должны были подтверждать идею о «расширенном воспроизводстве населения в условиях социализма» [5, с. 30].

В итоге прирост населения в стране составил за десять межпереписных лет 15 млн чел., или 10,2% (от 147 млн чел. по переписи 1926 г.), среднегодовой процент прироста составил 1% [5, с. 33]. Такой прирост можно считать достаточно низким, тем более, если брать в расчет тот факт, что на этот период приходится начало демографического перехода в стране и показатели рождаемости были еще достаточно высоки. Следовательно такая ситуация могла стать следствием роста показателей смертности.

С целью скрыть катастрофические демографические потери в 1939 г. была проведена новая Всесоюзная перепись, в ходе которой данные о численности населения страны в угоду власти были фальсифицированы. Перепись учла на территории СССР 170,5 млн чел., РСФСР – 109,4 млн чел. [3, с. 240].

Для определения подлинных данных численности населения страны в 1939 г. особую важность имеют два секретных письма адресованных Сталину и Молотову. В обоих письмах приводится один и тот же результат переписи 1939 г. – 167,3 млн чел. [6, с. 7].

Расхождение с официальным итогом переписи составляет 3,2 млн чел. В этой связи возникает вопрос о том, вся ли приписка является необоснованной. По мнению Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской, оправданная поправка составляет 0,4% [1, с. 38]. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская и И. Н. Киселев полагают, что более вероятной может быть поправка в 0,2%, то есть 0,3 млн чел. Тогда полная численность населения на январь 1939 г. составит 167,6–167,7 млн чел., а преднамеренная фальсификация – 2,8–2,9 млн чел., или 1,7% [6, с. 12]. Такого же мнения придерживается и А. Г. Волков, соглашаясь с В. В. Цаплиным и оценивая переучет в результатах переписи 1939 г. в 1-2 млн чел., считая его преднамеренным [2, 8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хотя фальсификация общего итога численности населения страны имела место в переписи 1939 г., она была незначительна по своей величине. При анализе демографических процессов материалами ее можно пользоваться, но при условии необходимой коррекции.

Если корректировка общей численности населения СССР привлекала в последнее время внимание исследователей, то вопрос о численности населения РСФСР и ее отдельных регионов оставался практически неизученным. Безусловно, общий коэффициент приписки коснулся и России, но при этом необходимо учесть, что этот коэффициент был неодинаковым для отдельных территорий в ее составе. В то же время процент приписки по России можно определить довольно точно, поскольку в архивах, прежде всего в Российском государственном архиве экономики, сохранились черновые документы, в которых в абсолютных цифрах показана приписка по всем регионам.

За счет приписки численность населения РСФСР было преднамеренно увеличена на 2,5 млн чел. За вычетом заключенных и военнослужащих, приписка составила 1,7 млн чел., при этом процент обоснованной поправки можно снизить до 0,1 для всего населения России. В результате коррекции действительное население РСФСР насчитывало в 1939 г. 107,9 млн чел. против официально объявленного итога в 109,4 млн чел., то есть необоснованная приписка составила 1,6% [4, с. 50–51].

Несколько сложнее определить размеры приписки и масштабы фальсификации данных переписи для отдельных регионов России. Учитывая механизм приписки и черновые материалы переписи, В. Б. Жиромской была определена подлинная численность населения отдельных районов и автономий России и величина необоснованной приписки. В районах, где отсутствовали особо экстремальные условия, средняя величина приписки

по оценкам автора составила 2,1%. В районах же массового выселения жителей, повышенной смертности в результате голода, к которым можно отнести Кубань и Ставрополье ситуация была иной. Процент приписки здесь резко повышался и колебался в пределах от 2,3 до 10% в целях сокрытия большей убыли населения [4, с. 51].

Основываясь на методике расчета, предложенной В. Б. Жиромской и используя официальные результаты переписи 1939 г. по Кубани и Ставрополью, а также входивших в их состав Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей, мы попытались определить достоверную численность населения данных территорий и возможные размеры приписки.

Общий процент приписки по Кубани и Ставрополью приближается к показателям тех регионов, где убыль населения была более значительной. В то же время в Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областях он несколько ниже. В районах Кубани и Ставрополья более высокий процент приписки объясняется тем, что население здесь в большей степени пострадало вследствие коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг.

Сами организаторы переписи при анализе динамики численности населения отдельных областей и республик разделили все области на группы. Кубань и Ставрополье были отнесены к группе, включающей сельскохозяйственные районы «с неблагоприятными показателями естественного движения населения и относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов». Это сельскохозяйственные области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, Курская, Саратовская, Куйбышевская области, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, частично Воронежская и Сталинградская области [5, с. 42]. Именно эти районы оказались в большей степени затронуты голодом и репрессиями. Помимо прямой убыли населения вследствие смертности и в результате механического оттока, данные события отразились на показателях рождаемости, которые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. также стали снижаться.

Согласно данным переписи 1939 г. население Краснодарского края с Адыгейской АО составляло 3172674 чел., без учета АО в крае насчитывалось 2930875 чел. Полученные с помощью перерасчетов цифры наглядно демонстрируют убыль населения в Краснодарском крае к 1939 г. Это подтверждается сравнением материалов переписей 1937 и 1926 гг. Так если в 1926 г. население Кубани насчитывало 2982168 чел. (без автономии), то в 1937 г. – 2881262 чел. (убыль составила 100906 чел., или 3,4% к 1926 г.), а в 1939 г. – 2934000 чел. согласно данным переписи и 2865046 чел. по скорректированной численности. В итоге убыль составила соответственно 1,6% в официальных данных и 3,9% в отношении скорректированной численности¹.

Население Орджоникидзево (Ставропольского) края в 1939 г. с учетом входивших в него Автономных областей – Карачаевской и Черкесской насчитывало 1950887 чел., численность жителей территорий, которые составили Ставропольский край, насчитывала 1707363 чел. с населением автономных областей и 1464162 чел. без них. В Карачаевской и Черкесской автономиях переписью было учтено 150303 и 92898 жителей соответственно. Всего в пределах автономных территорий проживало 243201 тыс. чел. Согласно скорректированной численности, население автономий на 1939 г. составляло 238776 чел. В том числе 147513 чел. в Карачаевской и 91263 чел. в Черкесской автономной области².

Если на Кубани, согласно скорректированным данным, наблюдалась очевидная убыль, то численность населения Ставрополья с 1926 г. по 1939 г. выросла. Однако прирост, хотя и произошел в межпереписной период, но был незначительным. За 13 лет население Ставрополья увеличилось в абсолютных цифрах на 38269 чел., или на 2,7% по

¹ Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 967–969.

² Рассчитано по тем же источникам.

отношению к скорректированной численности и на 69788 чел., или на 5% по отношению к официальным данным переписи. При таком незначительном приросте, вызванном историческими катаклизмами, численность населения Ставрополья так же не избежала искажения и приписок.

Среднегодовая убыль населения Кубани составляла в межпереписной период 0,1% (относительно официальных данных) и 0,3% (относительно скорректированной численности). Среднегодовой прирост на Ставрополье в межпереписной период был невысоким (0,2 и 0,4% соответственно) при общесоюзном показателе в 1,24%.

Динамика численности населения автономий имела несколько иной характер. Население Адыгейской автономной области в 1926 г. составляло 185391 чел. К 1939 г. оно увеличилось до 237711 чел. Рост составил 128,2%, а прирост 28,2%. Ежегодный прирост, таким образом, составлял 2,2%.

Население Карачаевской и Черкесской автономных областей, имея по данным переписи 1926 г. население 64613 и 36996 чел. (с учетом населения Баталпашинского района – 41632 чел.) к 1939 г. так же увеличилось. За межпереписной период прирост населения автономий составил в абсолютных цифрах 137167 чел., темпы роста составили 166,7%, темпы прироста 66,7%. Ежегодные темпы прироста 12,8%. Такие темпы могут быть объяснены высокими показателями естественного прироста и повышенной миграционной активностью населения.

Таким образом, приписки имели место как в «русских районах» края, так и в национальных автономиях, однако, в автономиях процент приписки был ниже, что можно объяснить тем, что эти территории в меньшей степени подверглись пертурбационным процессам начала 1930-х гг.

Фальсификации, сокрытие от общественности и научного сообщества статистико-демографических данных, а также их нерегулярность и разрозненность в период 1920-1930-х гг. побуждают обратиться при изучении населения к вероятностно-статистическим методам математики, позволяющим моделировать демографические процессы и структуры, определять масштабы демографических потерь и проч. Это особенно актуально в том случае, когда демографические процессы подверглись деформации в результате экстраординарных факторов.

Для оценки вероятной численности населения Краснодарского края 1930-х гг., и соответственно, демографических потерь, связанных с голодом, репрессиями этого периода были применены методы регрессионного анализа и аппарат временных рядов для построения вероятностно-статистической модели зависимости общей численности населения региона от исторического года наблюдения. При построении модели использовались разрозненные статистические данные, как во временном отношении, так и в административно-территориальном. Статистико-временной ряд представлен данными о численности населения региона за 1870–1916, 1920, 1923, 1926, 1937 гг., а также данными о численности населения Северо-Кавказского края в 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг. [8, с. 152].

Предварительно исходные данные были пересчитаны в границах Краснодарского края с учетом всех имевших место административно-территориальных изменений.

В качестве инструментария вероятностно-статистического моделирования численности населения использовали статистический пакет прикладных программ STATISTICA 6.1 [9]. Регрессионные модели строили по историческим данным общей численности населения Кубанской и Черноморской областей с 1870 г. по 1916 г. В качестве предиктора использовали условный год, равный разности реального года и начального года наблюдений – 1870 г.

Регрессионными моделями были предсказаны значения общей численности населения с 1917 г. по 1926 г., при этом были известны данные за 1920, 1923, 1926 гг. Возможные значения численности за 1939 г., вычисленные по линейной и квадратичной модели, составили соответственно 4227 и 4538,4 тыс. чел.

Смоделированное значение численности населения на 1939 г. составляет примерно 4044 тыс. человек при 95-процентном доверительном интервале [2404,7; 6800,7]. Это означает, что с вероятностью 0,95 истинное значение численности населения в 1939 г. находится в указанном интервале. С увеличением даты прогноза доверительный интервал возрастает, т.е. чем дальше точка прогноза, тем менее достоверным является его результат. Достоинством модели является то, что тренд предсказанных значений численности населения с 1927 г. в целом верно моделирует тренд исходных значений с 1870 по 1926 г., предсказанная на 1939 г. численность населения, которая составляет примерно 4 млн чел. обладает исторической правдоподобностью. Недостатком является достаточно широкий доверительный интервал [8, с. 154].

Таким образом, посредством различных математических методов при различных уровнях достоверности и степени приближения, нами получено пять предсказанных значений общей численности населения Краснодарского края на 1939 г.: 4227,0; 4538,4; 4044,0; 3952,5; 3619 (тыс. чел.). Не будет ошибкой, если в качестве предполагаемого значения численности населения в 1939 г. воспользуемся средней арифметической по этим пяти вычисленным значениям, которое равно $(4227,0 + 4538,4 + 4044,0 + 3952,5 + 3619,0) / 5 = 4082,18$ (тыс. чел.).

Следовательно, справедливым будет утверждение, что общая численность населения Краснодарского края к 1939 г. при сложившихся темпах прироста и в условиях отсутствия катастроф должна была составить величину не менее 4 млн чел., что наглядно демонстрирует наличие экстраординарных факторов, повлекших существенное сокращение численности населения.

Подводя итог, можно отметить, что с целью сокрытия демографических потерь советское руководство широко использовало приемы фальсификации данных. Существенный разрыв между смоделированной и фактической численностью населения Кубани и Ставрополя позволяет говорить о значительных масштабах прямых и косвенных потерь в регионе вследствие голода начала 1920-х гг. и 1932–1933 гг., индустриализации и коллективизации, раскулачивания, принудительного переселения сотен тысяч жителей за пределы региона, репрессий и депортаций представителей отдельных народов. К тому же данные процессы пришлись на начало демографического перехода в России. Последствия этих процессов продолжают сказываться на демографическом развитии региона и сегодня.

© Ракачев В. Н. Тест. 2016

Список источников

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1957. М. : Информатика, 1998. 187 с.
2. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года. Вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Ч. 2. Вып. 3-5. – М., 1990. – С. 6–63. – (История статистики)
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М. : Наука, 1992. – 240 с.
4. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
5. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
6. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 3-25.
7. Ракачев В. Н., Халафян А. А. Оценка численности населения Кубани в 1930-1940-е гг. с использованием методов статистического моделирования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5. – С. 150-156.

8. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. Письмо в редакцию. // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 175-181.

9. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных: изд-е 2-е. – М.: Бином, 2010. – 210 с.

Информация об авторе

Ракачев Вадим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 251, тел. 8(861)2199501(220), midav.sf@mail.ru

Rakachev V.N.

DEMOGRAPHIC CHANGES ON THE KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY IN 1930 .: THE ACCURACY OF THE INFORMATION

The article questions the reliability of statistical data of the 1930s. The results of recalculation of the size of the Kuban and Stavropol population recorded by the census of 1939 in view of the archival documents, including first introduced in the scientific revolution, as well as on the basis of mathematical modeling methods.

Keywords: Demographic changes, the census population of the USSR, probabilistic and statistical modeling, Kuban, Stavropol region.

Information about the author

Rakachev Vadim Nikolaevich - PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology, Kuban State University, 350040, Krasnodar, Stavropolskay st. 149, tel. 8(861)2199501(220), midav.sf@mail.ru

УДК 314.7(470.54-21)

М.Ю. Тараканов

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 2000-Х ГОДАХ.

В статье проанализированы особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000–2008 гг. Приводятся данные об изменении миграционной активности, возрастном составе мигрантов, основных направлениях миграционного движения и миграционных связях населения города.

Ключевые слова: население Нижнего Тагила, миграция, направления миграции, миграционные связи

Миграция является одним из важнейших демографических процессов, оказывающих существенное влияние как на численность населения, так и на его качественные характеристики.

В различные временные периоды механическое движение жителей Нижнего Тагила имело свои особенности. Менялся возрастной и половой состав мигрантов, территориальные источники роста населения города, направления миграционных потоков и т.д. Обладал своими специфическими чертами и период 2000-х гг.

Наблюдавшаяся в 1990-х гг. тенденция снижения миграционной активности населения Нижнего Тагила сохранялась в городе до 2004 г. В 2003 г. показатель миграционного оборота опустился до минимального уровня – в 5772 чел., что было